

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**Рецензия на монографию С.К. Нартовой-Бочавер, К.А. Бочавера и С.Ю. Бочавер
“Жизненное пространство семьи: объединение и разделение”. М.: Генезис, 2011.**

В 70-е годы прошлого века, когда я была студенткой факультета психологии Ленинградского университета, нам не читали ни одного учебного курса по семейной психологии (разве что лекцию по стилям воспитания). Мое знакомство с психологией семьи началось, когда я пришла работать на кафедру детской психиатрии, психотерапии и медицинской психологии Санкт-Петербургской медицинской академии последипломного образования¹. Эту кафедру со дня ее основания возглавляет профессор Э.Г. Эйдемиллер, один из создателей семейной психотерапии в нашей стране. Кредо кафедры состоит в том, что развитие личности больных детей и подростков обязательно следует рассматривать в контексте их семейного окружения. Это прямо соответствует Конвенции ООН о правах ребенка, согласно которой *семья* рассматривается как естественная *среда* жизнеобеспечения детей (1989). Признавая важность семьи как первичной социальной группы и естественной обстановки для роста и благополучия детей, Конвенция указывает, что это не столько право родителей по отношению к ребенку (право на подчинение его родителями), сколько ответственность перед ребенком.

Ответственные родители владеют рядом умений и навыков: активно выслушивают ребенка, стараясь понять его потребности и переживания; конфликты с ним разрешают без угроз и наказаний; последовательны в требованиях, исключают нереальные ожидания и поддерживают успехи детей.

Остается, однако, открытым вопрос, каким же образом родители приобретают все эти умения и навыки, если они не владеют элементарными знаниями о том, что представляет собой семейное функционирование?

Знакомство с теорией семейной психологии, представленной Э.Г. Эйдемиллером и В. Юстицкисом в монографии “Психология и психотерапия семьи”², последующее участие в написании учебного пособия “Семейный диагноз и семей-

ная психотерапия”³ дало мне первичные знания о функциях, структуре и динамике как основных психологических характеристиках семьи. Я также разобралась в параметрах семьи как системы, методах психологического исследования и оказания психологической помощи семье. Однако эта наиважнейшая информация рассматривалась скорее в контексте клинической психологии и психотерапии семьи, выявления нарушений семейного функционирования и их коррекции, а не в контексте повседневной жизни семьи среднестатистической.

Особенно ярко я осознавала это во время чтения лекций по психологии и консультированию семьи. Обычными для студентов, слушающих этот курс, были вопросы: “Что, разве не бывает здоровых семей?” и “Неужели в семье все так плохо?”

Это заставляло задуматься. Действительно, *семья – основная форма жизнедеятельности любого человека, главный и основной компонент его среды*. В связи с этим особый интерес вызывает монография “Жизненное пространство семьи: объединение и разделение”, выпущенная издательством “Генезис” в 2011 году. В аннотации авторы книги, члены одной семьи, С.К. Нартова-Бочавер, К.А. Бочавер и С.Ю. Бочавер, указывают на то, что она посвящена обсуждению остроактуальных вопросов организации жизненного пространства семьи, таких, как распределение территории, согласование временного режима, права владения личными вещами, значения семейных ценностей, передающихся из поколения в поколение. Жизнь и развитие семьи авторы рассматривают с точки зрения построения и нарушения личностных границ ее членов, акцентируя важнейшее право человека – право на приватность (как меру его доступности для социальных контактов или информационного потока).

Книга адресована практическим психологам, другим помогающим специалистам, а также широкому кругу читателей, заинтересованных в

¹ С 2011 г. – Северо-Западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова.

² Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 1999.

³ Эйдемиллер Э.Г., Добряков И.В., Никольская И.М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. Учебное пособие для врачей и психологов. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб: Речь, 2006.

укреплении семейных ценностей, то есть не только тем, кто с семьей профессионально работает, но и тем, кто в ней каждый день живет.

В предисловии авторы поясняют, что материалы их книги можно отнести к трем проблемным областям современной науки: психологии жизненной среды, психологии повседневности и экологической семиотике, активно разрабатывающихся за рубежом и недостаточно известных в России. Это объясняет, почему в монографии в качестве примеров используются результаты ряда эмпирических исследований на данные темы, а в списке литературы число ссылок на иностранные источники (преимущественно последних лет) превышает число ссылок на отечественные.

Что же меня, как психолога, интересующегося семьей, больше всего “зацепило”, вызвало эмоции и заставило задуматься после знакомства с содержанием новой монографией?

По мнению авторов, современных психологов больше интересует внутренний мир человека, а не среда, его окружающая. Однако человеку будет трудно существовать в семье как естественной среде жизнедеятельности, если не внутри, а вокруг себя он не образует своеобразную “невидимую оболочку”, *собственное психологическое пространство*. В это пространство можно включать или не включать те или иные значимые вещи, впускать или не впускать значимых для себя людей.

Значение такой персонализации – обретение чувства уверенности, контроля и психологической защищенности, возможность пребывания в своей (и потому комфортной для себя) среде. Так, ребенку в семье важно сидеть на “своем” стуле, тайны доверять – папе, спать ложиться обязательно с плюшевым зайцем и только после того, как бабушка, а не дедушка, почитает. Наличие собственного психологического пространства обеспечивает связь с прошлым и одновременно помогает адаптироваться к новой будущей среде, как бы забирая в новое часть старого (плюшевый заяц в рюкзаке первоклассника).

Проживая на одной семейной территории, люди могут считать это бытие либо своим, либо отчужденным. Показано, что на удовлетворенность жизнью в семье влияет не плотность заселения, а возможность уединения. Эмоциональные дистанции, которые устанавливают между собой члены семьи, заставляют внимательно относиться к организации их личного (приватного) жизненного пространства и жизненного пространства семьи как целого. Поэтому так важно

осознавать свои и чужие *границы*. Такой анализ позволяет понять, почему внедрение в жизненное пространство близкого человека с благими намерениями поддержки и любви может не только привести к острым и хроническим конфликтам, но также разрушить взаимное доверие и уважение.

Здесь сразу хочется вспомнить о важнейшем структурном параметре семьи, *связи*, или психологическом расстоянии между членами семьи. Если психологическое расстояние очень близкое (симбиоз) или, напротив, очень далекое (разобщенность), это может привести к семейной дисфункции. Члены нормально функционирующей семьи должны быть настолько связанными, чтобы удовлетворялась их базисная потребность в принятии, принадлежности и поддержке, защищенности, но не настолько близкими, чтобы была фрустрирована другая базисная психологическая потребность – в автономии.

Баланс между потребностями в принадлежности и автономии удержать достаточно сложно. В состав семьи входят люди разного пола и возраста, с разными индивидуально-психологическими особенностями и потому с различной степенью выраженности базисных потребностей. Авторы приводят такой пример: когда происходит развод супругов, причиной расставания у мужчин чаще бывает не удовлетворяющая их чрезмерная близость с женой, а у жен, напротив, – болезненное переживание недостатка близости.

Границы психологических пространств членов семьи часто очерчивают их *вещи* – все родственники знают, что кому принадлежит. Вещь служит знаком самоподтверждения, идентичности, а также истории субъекта и его семьи. Подаренная дедушкой бабушкина вазочка, папин кабинет, мамина гитара – это те материальные объекты, которые представляют собой особые “тексты” и реализуются как особый язык коммуникации между родственниками, выступая специфическим человеческим маркером их *личной территории* в жизненном пространстве семьи.

Конечно, члены семьи обмениваются информацией и устанавливают границы не только посредством использования вещей, но также посредством вербального и невербального общения. Анализируя стандарты взаимодействия между членами семьи, авторы особое внимание придают неконгруэнтным сообщениям, в которых информация, передаваемая по речевым и неречевым каналам связи, не совпадает по своему содержанию (жена говорит мужу, что его любит, однако в глаза не смотрит и отклоняется, когда тот пытается ее

обнять). Каждый акт (стандарт взаимодействия) между членами семьи – это сложное послание друг другу. Речевые сообщения доступны для понимания больше, поведенческие – меньше. Поэтому членам семьи надо быть очень внимательными и наблюдательными, чтобы не только заметить, но и правильно интерпретировать *обычное бытовое поведение и привычки* своих близких.

Подробно обсуждая пищевое и сексуальное поведение, реализующее хозяйственно-бытовую и сексуально-эротическую функции семьи, авторы демонстрируют, что пищу и секс можно рассматривать как языки любви, служения, восхищения и, напротив, как способы подавления и насилия. Так, у взрослых членов семьи воздействие через пищевые и сексуальные потребности часто выступает как скрытый способ проявления власти и установления иерархии в семье. То же самое касается денег: положение человека в семейной системе и его статус часто имеет прямое отношение к процессу распределения денег. Нередко самый могущественный человек не тот, кто больше зарабатывает, а тот, кто тратит. “Заначки”, напротив, могут говорить о потребности члена семьи в увеличении эмоциональной дистанции с контролирующим членом семьи. Понимание скрытого смысла привычек всегда закрывать дверь в свою комнату или, напротив, оставлять ее открытой, съедать лучший кусок или обязательно пищей делиться, делать замечания или просить прощения уменьшает неопределенность и увеличивают предсказуемость поведения членов семьи. Это является условием дружественной среды. Если мы что-то знаем, то можем к этому приспособиться.

То же самое касается временных параметров: непонимание и конфликты между членами семьи часто обусловлены несовпадением в организации *личного времени*, неумением согласовывать режимы дня, разности скорости жизни. Авторы приводят такой пример: больше всего от своих родственников страдает среднее поколение членов семьи: для подростков они слишком медлительны, для стариков – суетливы.

Следует помнить, что самоподтверждаться и защищаться через вещи, место и время как средовые атрибуты стремятся как взрослые члены семьи, так и дети. Дети активно охраняют свои игрушки, протестуют, если родители пытаются навести порядок в их ящике, контролируют продолжительность просмотра телевизора (“еще десять минут не прошло”), ищут укромное убежище от сверхсильной стимуляции, а также посредством разнообразных поведенческих актов отправляют взрослым членам

семьи послания для обозначения собственной приватности.

Для меня как исследователя психологической защиты и копинг-поведения⁴ особое значение имеет то, что авторы рассматривают и интерпретируют параметры жизненного пространства семьи как важнейшие *ресурсы жизнестойкости и совладания с трудностями*. К ресурсам жизнестойкости можно отнести чувство места, способность управлять своим личным временем, наличие доминирующих семейных ценностей, нередко передающихся из поколения в поколение, а также владение определенными вещами, которые могут давать силу, энергию, напоминать о победах и мотивировать на успех. Конкретными инструментами (стратегиями) самопомощи выступают особенности обычного семейного функционирования: пищевое и сексуальное поведение, процесс совершения покупок, эмоциональное и духовное общение членов семьи, в том числе, общение с домашними животными.

В специальной главе “Братья меньшие” с особым чувством описываются функции и место животных в жизни семьи. Животные выступают как партнеры, компаньоны, объект заботы, посредники в контактах и, что особенно важно, как психотерапевты отдельных членов семьи и семьи в целом. Они дают возможность телесного контакта, снимают физическую усталость и эмоциональное напряжение и одновременно поддерживают физическую форму своего хозяина. Животные принимают его, воспитывают и наполняют его жизнь особым смыслом, в то же время маркируют собой наличие и тяжесть семейных проблем, сближают членов семьи. Животные включаются в семейную историю и поддерживают семейную идентичность.

Таким образом, каждый член семьи может быть рассмотрен как целостность его телесных качеств, личной территории, вещей, принадлежностей, социальных привязанностей и способа организации режима своей жизни. Более того, каждый член семьи способен с опорой на эти понятия себя описать. Это означает, что гармоничное функционирование в жизненном пространстве семьи возможно за счет достижения баланса процессов объединения и разделения территории, времени, вещей, семейных ценностей и понимания не только речевых, но также поведенческих посланий друг другу. Такая пространственно-временная организация семейной жизни имеет

⁴ Никольская И.М., Грановская Р.М. Психологическая защита у детей. СПб.: Речь, 2010.

непосредственное значение для сохранения и укрепления физического и психического здоровья, достижения адекватных уровней семейной сплоченности и адаптации, сохранения и межпоколенной передачи семейных ценностей и философии.

Теперь, отвечая на вопросы студентов психологов, “Что, разве не бывает здоровых семей?” и “Неужели в семье все так плохо?”, я буду адресовать их к рецензируемой монографии, поскольку она прямо касается того, как должны функционировать семьи, чтобы в них “было хорошо”.

Авторам хочется пожелать продолжить исследования в интересующих их областях психологии жизненной среды, психологии повседневности и экологической семиотики, касающихся не только жизнедеятельности семьи.

*И.М. Никольская, д. псих.н.,
профессор кафедры детской психиатрии,
психотерапии Северо-Западного
государственного медицинского
университета имени И.И. Мечникова,
Санкт-Петербург*